

Неважно, понимал ли Е Сюань это на самом деле или был культурным снобом. Те, кому было суждено, естественно, понимали это.

Лю Хайкан и Е Сюань некоторое время болтали. Лю Хайкан, не обращая внимания на то, что они были похожи, очень восхищался Е Сюанем.

Теперь, когда он услышал его объяснения о каллиграфии, его сердце не могло не загореться. Он пригласил его и сказал:

— Председатель Е, вы хотите попрактиковаться в каллиграфии? Почему бы нам не подняться вверх и не пообщаться?

Е Сюань увидел, что окружающие его люди с нетерпением ждут, и кивнул в знак согласия.

— Все за мной.

На вилле семьи Лю имелся собственный лифт. Под руководством Лю Хайкана они поднялись на верхний этаж.

Последний этаж Лю Хайкан превратил в кабинет. Мебель, стоявшая в кабинете, все еще хранила аромат палисандра, демонстрируя его финансовую состоятельность.

На необычайно широком письменном столе были разложены четыре сокровища кабинета: кисти, тушь, бумага и чернильные камни. Посредине лежала стопка хорошей рисовой бумаги, на которой стояли пресс-папье.

На подставке для кистей лежало несколько чжэцзянских кистей для каллиграфии. Это были выдающиеся кисти, и каждая из них стоила дорого.

Лю Янран не знала каллиграфии. Она сразу же подошла к книжной полке.

Как только она подошла к полке, то сразу посмотрела на множество книг в нитяных переплетах. Ей было очень интересно.

— Председатель Лю, можем ли мы открыть эти книги и посмотреть на них? — вежливо спросила Лю Янран.

Многие коллекционеры книг не любили, когда старинные книги перелистывали голыми руками, так как от водяного пара на руках древние книги портились.

Если человек действительно хотел почитать книгу, он должен был надеть на руки сухие белые

перчатки.

Однако Лю Хайкан не возражал. Он благодушно махнул рукой.

— Директор Лю, просто читайте книги!

Тем временем Лю Юнь молча следовал позади.

Почти никто не мог понять его чувств.

Его отец слишком сильно отличался от него самого. Он не мог смириться с этим ни на минуту.

Он даже скучал по своему спокойному отцу.

Лю Хайкан подошел к чернильному камню и растолок немного чернил.

От вытекающей чёрной жидкости исходил странный аромат.

Е Сюань просто поднял нос и принялся, прежде чем догадаться об источнике чернил.

— Это чернила Хуэй. Директор Лю — очень своеобразный человек. Все вещи и инструменты, которые он использует, превосходны.

Чернила Хуэй были лучшими чернилами. Это можно было определить по цвету и уникальному аромату.

Такие чернила были достойны старинного чернильного камня.

Лю Хайкан закончил растирать чернила и подошел к столу. Недолго думая, он написал на бумаге стихотворение, похожее на летящего дракона.

Это было то самое стихотворение, за которое Е Сюань похвалил Дэн Ширу.

"Редко можно быть чистым, как снег, и знать, что богатство быстротечно".

Стоило эксперту сделать шаг, как истина становилась явной.

Как только Лю Хайкан взял в руки кисть, вся его аура изменилась.

Под его контролем кисть быстро задвигалась по бумаге.

Это была простая строка слов, но она обладала величественной аурой.

В каждом штрихе словно соединялся многолетний жизненный опыт Лю Хайкана и его понимание жизни. Каждое слово было наполнено историей.

Когда все увидели, как пишет Лю Хайкан, то не могли не похвалить его.

— Председатель Лю действительно хорошо разбирается в Дао. Суть этих слов полностью отражена!

— Это действительно хорошая каллиграфия. Как будто она может проникать через обратную сторону листа бумаги! Такое ощущение, что бумага для письма весит тысячу килограммов!

— Эти слова величественны. Отец, весь твой характер слился в этих словах!

Когда Лю Хайкан услышал, что все так его хвалят, он поспешно рассмеялся и махнул рукой.

— Пожалуйста, не хвалите меня. Я тот, кого нельзя хвалить больше всего. Когда меня хвалят, я легко становлюсь гордым. Вы мне льстите!

Услышав шутливое самоуничижение Лю Хайкана, все громко рассмеялись. Атмосфера стала очень дружелюбной.

Лю Хайкан с юных лет любил каллиграфию. Даже занимаясь бизнесом в течение многих лет, он никогда не оставлял это увлечение.

По его мнению, занятие каллиграфией успокаивало ум и позволяло спокойнее относиться к заботам и мелочам жизни.

Эта практика продолжалась десятилетиями. Основа, заложенная десятилетиями практики, была написана на бумаге, поэтому эффект, естественно, был потрясающим.

Лю Хайкан посмотрел на строчку слов, написанных им на столе, и почувствовал огромное удовлетворение. Ему даже показалось, что результат превзошел все его привычные стандарты.

Отложив кисть, Лю Хайкан посмотрел на Е Сюаня и спросил:

— Ну как, председатель Е? Почему бы вам не написать одну из них для практики?

Е Сюань просто согласился, не задумываясь.

— Хорошо.

Когда Лю Юнь, стоявший сзади, услышал согласие Е Сюаня, на его лице отразились шок и недоверие. Он сказал отцу:

— Папа, я не то чтобы хотел тебя критиковать, но ты меня задираешь! Ты занимаешься каллиграфией уже несколько десятков лет. А сколько лет брату Е?

Сыну Лю Хайкана Лю Юню было уже за двадцать, в то время как Е Сюаню было всего восемь лет. Если бы об этом стало известно, люди стали бы ругать его за непочтительность.

Подумав об этом, Лю Юнь быстро обернулся и сказал Е Сюаню:

— Брат Е, не обманывай моего отца! Он из Цзиньлинской ассоциации каллиграфии. Более того, несколько лет назад он выиграл несколько золотых медалей на провинциальных соревнованиях по каллиграфии. Не обольщайтесь.

Лю Юнь не знал, понимает ли Е Сюань ценность этих наград, или ему все равно. Е Сюань с улыбкой покачал головой и сказал:

— Первый этап занятий каллиграфией — это форма. Будь то каллиграфия, скоропись или канцелярский шрифт, нужно понять их особенности, отработать их суть и интегрировать собственное понимание.

Как только Е Сюань произнёс эти слова, все присутствующие затаили дыхание и стали внимательно слушать, что он говорит.

<http://tl.rulate.ru/book/85674/3121634>